

К вопросу о становлении образования взрослых в епархиях Восточной Сибири в начале XX века

Н.Н. Лебедева^a, Н.И. Шмони́на^b

Братский государственный университет, ул. Макаренко, 40, Братск, Россия

^a naumova_bratsk@mail.ru, ^b natalya-shmonina@yandex.ru

^a <http://orcid.org/0009-0000-3668-5177>, ^b <http://orcid.org/0009-0005-7271-594X>

Статья поступила 14.04.2025, принята 05.05.2025

В статье рассматриваются проблемы создания разнообразных организационных форм отечественного культурно-просветительского движения начала XX в. в сфере образования взрослых, функционировавших в рамках епархиальных структур Восточной Сибири. Деятельность негосударственных культурно-просветительских сообществ при отсутствии достаточного количества энтузиастов, прочной материально-технической базы, при настороженном отношении государственных органов не была стабильной. В отличие от светских лиц духовенство и сотрудники церковно-приходских школ пользовались относительным доверием бюрократических структур, могли опираться на материальную базу школ духовного ведомства и храмов даже на самых отдаленных территориях региона, рассматривали задачу просвещения, повышения культурного уровня взрослого населения как логически вытекающую из задач обычной церковной школы. Начало XX в. ознаменовалось активной тягой к просвещению широких народных масс, еще более возросшей в ходе революционных потрясений и Первой мировой войны. В стране с низким уровнем образования у взрослого населения были востребованы самые разные формы организованного образования и воспитания: посещение курсов и школ для взрослых, развлекательных мероприятий с просветительским уклоном, научно-популярные лекции и т. д. Распространение классических форм самообразования встречало немало препятствий объективного характера: отсутствие или скудный, неподходящий ассортимент библиотек и народных читален, несформированность вкуса к чтению, рецидивы безграмотности. У населения Восточной Сибири были востребованы специфические формы работы, отвечавшие потребностям и возможностям крестьянства: беседы священников, спектакли и праздники, народные чтения. Особняком в этом ряду стояло трезвенническое движение. В период Первой мировой войны в Восточной Сибири началось планомерное создание сети народных домов – многофункциональных просветительно-развлекательных центров. В силу ряда причин эта работа осталась незавершенной, и создание стройной системы образования взрослых силами епархиального духовенства и учительства не состоялось.

Ключевые слова: образование взрослых; Восточная Сибирь; народный дом; народные чтения; цели и функции образования взрослых; трезвенническое движение; церковно-приходская школа.

On the issue of the formation of adult education in the dioceses of Eastern Siberia in the early XX century

N.N. Lebedeva^a, N.I. Shmonina^b

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia

^a naumova_bratsk@mail.ru, ^b natalya-shmonina@yandex.ru

^a <http://orcid.org/0009-0000-3668-5177>, ^b <http://orcid.org/0009-0005-7271-594X>

Received 14.04.2025, accepted 05.05.2025

The article discusses the problems of creating various organizational forms of the domestic cultural and educational movement of the early XX century in the field of adult education, functioning within the diocesan structures of Eastern Siberia. The activities of non-state cultural and educational communities in the absence of a sufficient number of enthusiasts, a solid material and technical base, and the wary attitude of state bodies were not stable. Unlike secular persons, the clergy and employees of parish schools enjoyed the relative trust of bureaucratic structures, relied on the material base of schools of the spiritual department and churches even in the most remote territories of the region, considered the task of enlightenment, increasing the cultural level of the adult population as logically arising from the tasks of an ordinary church school. The beginning of the XX century was marked by an active desire to educate the broad masses, which increased even more during the revolutionary upheavals and the First World War. In a country with a low level of education among the adult population, a variety of forms of organized education and upbringing such as attending courses and schools for adults, entertainment events with an educational bias, popular science lectures, etc., were in demand. The spread of classical forms of self-education met many obstacles of an objective nature: the absence or meager, unsuitable assortment of libraries and folk reading rooms, lack of formation of taste for reading, relapses of illiteracy. The population of Eastern Siberia was in demand for specific forms of work that met the needs and capabilities of the population: conversations of priests, performances and holidays, folk readings. The temperance movement stood apart from the rest. During the First World War in Eastern Siberia, the systematic creation of a network of folk houses, namely, multifunctional educational and entertainment centers, started. For a number of reasons, this work remained incomplete, and the creation of a harmonious system of adult education by the forces of the diocesan clergy and teaching did not take place.

Keywords: adult education; Eastern Siberia; folk house; folk readings; goals and functions of adult education; temperance movement; parish school.

Введение. До начала XX в. уровень народного образования в Восточной Сибири оставался низким. Прорыв в области формирования системы образования, в т. ч. образования взрослых, произошел под влиянием экономического развития страны и региона, а также подъема общественного движения, поддерживаемого передовыми представителями интеллигенции. Правительство утвердило ряд постановлений по демократизации системы народного образования. В этот период образовательная политика начинает приобретать государственно-общественный характер.

Источниковую основу работы составили архивные материалы из 50 фонда (Иркутской духовной консистории) [1] и 25 фонда (генерал-губернатора Восточной Сибири) [2] Государственного архива Иркутской области, а также 297 фонда (Енисейского губернского епархиального училищного совета) Государственного архива Красноярского края [3]. Были использованы материалы региональных церковных периодических изданий – «Иркутские епархиальные ведомости» [4], издававшиеся с 1863 г., и «Енисейские епархиальные ведомости» [5], издававшиеся с 1884 г. Официальная часть ведомостей была посвящена нормативным актам и распоряжениям, издаваемым центральной и местной церковной администрацией, отчетам о различных сторонах деятельности епархиальных структур, а в неофициальную могли помещаться разнообразные заметки, корреспонденции с мест, касающиеся всех сторон епархиальной жизни, в т. ч. посвященные становлению и функционированию структур, занимавшихся организацией образования и воспитания взрослых. Следует отметить, что эти статьи унаследовали и все недостатки официального отражения событий, характерные для ведомств православного исповедания (ВПИ) – предвзятость в отношении работы именно структур духовного ведомства, замалчивание недостатков, субъективизм и т. д.

С одной стороны, в системе образования в этот период с большим трудом начинает выстраиваться линия преемственности между различными ступенями образования, делаются определенные шаги по достижению всеобщности обучения – на первых порах только начального, с другой стороны, начинает осознаваться необходимость создания таких условий получения образования, чтобы они удовлетворяли потребностям разнообразных социальных групп. Последнее нашло отражение в пестроте и разнообразии как типов образовательных учреждений, так и форм образования для взрослых. Усиление образовательного потенциала региона было тесно связано с состоянием и совершенствованием системы образования взрослых, которая формировалась, в частности, силами представителей Церкви.

Основная часть. Становление образования взрослых как системы проходило на фоне формирования системы всеобщего образования как такового. Общеимперские процессы в этих сферах совпадали с происходившим в Восточной Сибири, но имелись и региональные особенности. Назрела мощная потребность в реформировании всей системы образования, инициативу в деле ее модернизации пыталась перехватить передовая общественность. Церковь в этих процессах

являлась лишь одним из общественных институтов, участвовавших в выстраивании системы образования, но в Сибири она заняла особенное место, которое было обусловлено сочетанием ее «узководственных» интересов с правительственной поддержкой и запросами религиозного населения.

Процесс активно развернувшихся глубоких социокультурных преобразований инициировал культурно-просветительное движение, принявшее на себя решение широкого круга задач, в том числе в области образования и воспитания взрослых. При этом деятельность негосударственных культурно-просветительных формирований зачастую держалась на небольшой группе энтузиастов и возможностях меценатов, а также зависела от репрессивной государственной политики, вследствие чего являлась спорадической. Организация и деятельность же аналогичных внутри- и околоцерковных структур была более организованной и стабильной, поскольку носила до некоторой степени принудительный характер, могла развиваться более планомерно, не только качественно, но и «вширь», охватывая приходы в сельской местности.

В Восточной Сибири в начале XX в. и несколько ранее организаторы культурно-просветительного движения, представленные прежде всего деятелями интеллигенции и прогрессивными предпринимателями, сконцентрировали усилия на создании и функционировании общественных организаций. Число просветительных обществ в Сибири изменялось ежегодно, а в определенные промежутки времени (например, в годы Первой российской революции) изменения их численности были весьма существенными. Так, в 1909–1910 гг., когда общественные организации в Сибири начали преодолевать вызванный правительственной реакцией спад в своей деятельности, в Томске функционировало 50 обществ, деятельность которых имела просветительный характер, в Тобольске насчитывалось 15 обществ, в Омске – 20, в Красноярске – 12, в Иркутске – 23. В целом по Сибири в этот период действовало около 150 культурно-просветительных организаций [6].

Сибирские культурно-просветительные общества, как и аналогичные объединения в других регионах страны, использовали разнообразные организационные формы для удовлетворения потребностей населения в образовании и воспитании взрослого населения. На первом месте стояла необходимость адаптировать учащихся к изменяющимся условиям жизни, повышая уровень их знаний и умений в различных областях с целью повышения продуктивности деятельности и улучшения качества жизни. Повышение общей и специальной компетентности резко увеличивало эффективность и качество жизни, что стало особенно очевидно в годы Первой мировой войны.

При этом просветительская деятельность интеллигенции затруднялась несформированностью и противоречивостью правовой базы как данного вида деятельности, так и системы общего образования в целом, ведомственной конкуренцией и самим принципом ведомственности, положенным в основу трансформирующейся системы образования. Направления, виды и формы деятельности общественных деятелей зависели от личных взглядов и отношений лидеров движения. Сложностей

добавляло равнодушие основной массы сибиряков к нуждам культурно-просветительного движения.

Культурно-просветительская деятельность общественных формирований была посвящена прежде всего распространению и популяризации научных знаний в разных отраслях, а также организации культурного досуга населения. К сожалению, просветительные общества Сибири иногда становились не только средством для реализации гуманистических или профессиональных интересов организаторов, но и трибуной для распространения политических взглядов. Особенную настороженность у структур, осуществлявших надзор и контроль в этой сфере, вызывало сибирское областничество, которое представляло собой зачастую именно культурно-идеологическое течение в среде сибирской интеллигенции.

В зависимости от возможности планомерной деятельности, кадрового состава такого общества и уровня энтузиазма были представлены и формы его деятельности. Это могли быть разовые экскурсии, поездки, в т. ч. паломничества, проводившиеся от случая к случаю вокально-музыкально-литературные вечера, народные чтения, театрализованные представления, но могли быть и полноценно функционировавшие воскресные школы, курсы для повышения профессионального мастерства и общего культурного уровня, народные или детские клубы, библиотеки, музеи, даже кинематографы и т. д. Спектр предлагавшихся епархиальными структурами организационных форм работы по образованию взрослых был значительно уже, зато ближе к практическим запросам населения, а также принимал иногда специфические формы.

Духовенство осознавало недостаточность учебы в церковно-приходских школах для формирования религиозно-нравственного облика человека, поэтому в течение всего времени существования школ данного типа (1884–1917 гг.) педагогический персонал и здания школ использовались для послешкольного обучения и воспитания теперь уже взрослых выпускников. Эта деятельность в силу ряда обстоятельств была малоэффективной, и очевидцы свидетельствовали, что даже через двадцать и тридцать лет после появления в Восточной Сибири церковной – наиболее массовой народной – школы, бывший ученик поглощался архаичной культурой, «тонул» в общей массе: «Крестьянин по-прежнему суеверен, невежествен, груб и полон недоброжелательного отношения к сельской интеллигенции» [7, с. 21].

Невозможность регулярно применять на практике полученные в школе навыки письма и чтения приводили к рецидивам безграмотности, т. е. частичной или полной утрате соответствующих знаний, умений и навыков, что повсеместно фиксировалось воинскими присутствиями, занимавшимися освидетельствованием призывников: закончивший школу в 11–12 лет мальчик к призывному возрасту помнил только, как ставить подпись. Согласно проведенной в 1897 г. всероссийской переписи населения, только 19,78 % русских умело читать, причем среди сибиряков таких было только 12,4 % [8].

Самой ранней рекомендацией епархиальной администрации по профилактике негативных явлений этого

рода было указание привлекать выпускников школ к клиросному послушанию – чтению и пению во время богослужений, а также популяризировать традицию чтения Псалтыри в течение трех дней после смерти человека как части подготовки к похоронам, что должно было не только предотвратить рецидивы безграмотности, но и поднять авторитет клира и церковно-приходской школы, привлечь в нее новых учеников. Постоянная практика в чтении такого рода, помимо прочего, одобрялась крестьянским сообществом и отвечала религиозным запросам бывших учеников.

Позже педагогический персонал школ ВПИ и духовенство начинают поощрять к устройству народных читален, вечерних чтений, учительских и ученических библиотек, в которые должны были приобретаться только разрешенные духовной цензурой книги [9]. Однако создание такой общедоступной народной библиотеки, комплектование фонда которой производилось бы за счет приходской кассы отдельными инициативными священниками, еще и в 1890-е гг. встречало массу бюрократических препятствий. Так, дело Иркутской консистории о разрешении иерею Бельской церкви Ф. Парнякову открыть в здании школы народную читальню длилось почти четыре года [10].

До начала XX в. книжные фонды церковно-приходской школы состояли практически полностью из учебных книг, позже начинают активно развиваться библиотеки для внеклассного чтения, которыми могли пользоваться и взрослые односельчане. И если проблеме комплектации фондов учебной литературой удалось преодолеть, то плохая обеспеченность церковных школ книгами для внеклассного чтения оставалась актуальной проблемой. Снабжение школ всем необходимым во многом зависело от случайностей. Приобретением для школ литературы и прочего централизованно занимались церковно-школьные административные структуры всех уровней, а также частные лица – благотворители, попечители школ, приходские священники, и организации – православные братства, приходские и школьные попечительства и т. д.

Поступление книг из разных источников делало невозможным унификацию книжного фонда такой библиотеки. Иногда на подбор книг влияли специфические факторы: например, в школе ВПИ, открытой при Михаило-Архангельской единоверческой церкви, обучение, согласно приговору сельского схода, должно было производиться по старообрядческим книгам, напечатанным в единоверческих типографиях [11].

В отчетах о состоянии школ ВПИ фиксировался постоянный рост количества школьных библиотек. В Иркутской епархии в 1898 г. библиотеки существовали при 56 школах, в 1901 г. – при 143 школах, в 1906 г. – при 164 [12]. В Енисейской епархии в 1893 г. библиотеки имелись при 78 школах [13], в 1898 г. – при 80 (в среднем насчитывавших по 200–300 экземпляров книг) [14], в 1905 г. – при 182 [15]. Однако их наполнение оставляло желать лучшего.

Только в 1895 г., с учреждением Синодальной издательской комиссии, начинается бурная деятельность по выпуску в свет огромного количества книг для внеклассного чтения в церковных школах. Перед допуском любого печатного издания в книжный фонд школ

духовного ведомства Синодальным советом производилась экспертиза, каждое разрешение книги цензурой публиковалось в «Церковном вестнике», после чего перепечатывалось региональными «Епархиальными ведомостями». К рассмотрению совета принимались только те рукописи, которые предварительно уже получили разрешение духовной или светской цензуры. При этом часто происходили забавные казусы: например, в библиотеке школы нельзя было иметь тома Полного свода законов Российской Империи, а также подавляющее большинство совершенно невинных художественных книг как не проходивших через специальную экспертизу [16].

Так, в 1896 г. в школы Енисейской епархии поступило 102 библиотечки, каждая из 46 названий – всего около 10 тысяч экземпляров на сумму 4472 руб. Они состояли из исторических рассказов Б. Полевого и А. Толстого, сочинений И.А. Крылова, А.С. Пушкина, Н.В. Кукольника, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Н.М. Карамзина и даже Эзопа [17], явно непригодных для чтения детьми младшего школьного возраста и малообразованными взрослыми крестьянами. Библиотеки нуждались не в толстых религиозно-нравственных сочинениях и произведениях Карамзина, а в специальной детской литературе, которая начала издаваться Синодом и рассылаться по школам только с 1904 г. Тогда же в школы ВПИ были допущены и сказки, которых ранее чуждались за их якобы «неправославность».

В Енисейской епархии был еще один источник пополнения школьного книжного фонда. Согласно § 21 Устава православного Красноярского братства [18], во имя Рождества Пресвятой Богородицы одной из его целей было снабжение церковноприходских школ книгами для внеклассного чтения бесплатно или по низким ценам с организацией в перспективе уездной сети книжных складов. Рассылались не только религиозно-нравственные книги, но и художественная литература, издания исторические, географические, агрономические и т. д. За первые два года существования братства (1893–1895) были разосланы библиотечки размером от 73 до 98 книг в 14 школ Красноярского округа [19]. В 1896 г. было выслано еще по 112 книг в 10 школ. Всего за три года на книги Братством было израсходовано 1602 руб.

Наряду с книгами в школы рассылались комплекты Троицких листков, и именно они в наибольшей степени отвечали ожиданиям крестьян. Листовки представляли занимательный и простой, но в то же время «душеполезный» и в силу этого востребованный материал для чтения простыми богомольцами. Они издавались миллионными тиражами Троице-Сергиевой лаврой, стоили одну копейку и расходились по всей России.

Преодолению рецидива безграмотности могло помочь и открытие широкого доступа в уже существовавшие церковно-приходские библиотеки, предназначенные для членов клира. Прихожане зачастую и не подозревали об их существовании и были против выделения денег на их пополнение. Широко распространившиеся революционные и сектантские веяния заставили духовенство осознать необходимость заботы о просвещении населения. В отдельных благочиниях

Енисейской епархии началось комплектование солидных церковно-благочиннических библиотек [20]. Подбор книг производился строго по спискам, составленным преподавателями духовной семинарии и опубликованным в «Енисейских епархиальных ведомостях».

Народные чтения как еще одна форма культурно-просветительной деятельности для взрослого населения с 1880-х гг. практиковалась в духовном ведомстве в виде «внебогослужебных собеседований» в зданиях церковно-приходских школ. Священники обязывались проводить их в воскресные и праздничные дни как альтернативу посещению кабака, народным гуляниям, употреблению алкоголя дома или в гостях. Целью таких бесед являлась прежде всего катехизация крестьянского населения – наставление в истинах православного вероучения, призывы вести себя воздержанно, приведение повседневной, семейной жизни в соответствие с церковным порядком, отказ от магических практик типа гаданий, заговоров, суеверий. В ряде приходов с нарастающим присутствием сектантов, высланных или мигрировавших в Сибирь по переселенческим программам, к задачам священника добавлялась борьба с новым «вероучением» сектантского или старообрядческого толка.

Светскому лицу для проведения регулярных народных чтений надо было получить специальное разрешение, требовавшее до десятка согласований в соответствующих инстанциях. Иногда разрешение давалось лишь через несколько лет после подачи ходатайства. Администраторы на местах, весьма осторожно (особенно после революционных событий начала XX в.) относившиеся к подобным инициативам, старались соблюдать все юридические тонкости, учитывать политическую конъюнктуру и зачастую отказывали просителям. Корреспондент газеты «Сибирь» прямо отмечал, что «в основах текущей практики применения правил 4 марта 1906 г. положено недоверие к общественной организованной самодеятельности. Весьма твердо и прочно, по-видимому, установилось мнение, что под видом благотворительных и всяких иных обществ и союзов возникают общества, преследующие главным образом политические цели» [21, с. 2].

В системе духовного ведомства такое разрешение было получить несколько проще, так как изначально подразумевался вполне аполитичный, духовно-нравственный характер планируемого мероприятия. Приходской священник должен был подать рапорт благочинному с указанием потенциальных чтецов, среди которых не должно было быть политических ссыльных и иных неблагонадежных лиц, и с описанием систематической программы чтений. Благочинный священник, в свою очередь, отправлял рапорт в епархиальную духовную консисторию, откуда (после консультации с чиновниками МВД) поступало разрешение. Например, в 1900 г. на территории всей Иркутской епархии было выдано семь таких разрешений [22].

30 октября 1893 г. архиепископом Иркутским Тихоном (Троицким-Донебиным) был анонсирован проект учреждения особых епархиальных уездных комиссий по устройству народных чтений, находившихся не только под управлением духовной консистории, но и под контролем местных полицейских управлений.

Правила производства чтений, опубликованные в «Епархиальных ведомостях», предполагали разработку твердой программы, иллюстрацию «туманными картинками» с волшебным фонарем, организацию церковных хоров, продажу и раздачу бедным книг [23]. В качестве источника текстов разрешались книги, допущенные в библиотеки для учеников народных школ, а также народные читальни.

Действовала такая комиссия и в губернском центре, которая в первый же год своего существования снискала признание широких кругов иркутян. Количество посетителей на одном мероприятии могло составлять более двухсот человек, несмотря на входную плату, доходя иногда даже до четырехсот [24].

Тематика чтений была довольно ограничена. С одной стороны, мы видим полную бессистемность в выборе тем, с другой – слушатели властно диктовали свою волю. Так, крестьяне были особенно заинтересованы в агиографических сюжетах, историях праздников, рассказах об особом чтимых иконах, общедоступных трактовках отрывков из Священного Писания. С неизменным интересом встречались регионоведческие лекции о природе, истории, быте родного края.

Предлагались и темы, посвященные рациональному ведению сельского хозяйства (например, об удобрении почвы), популярной медицине – оспопрививанию, профилактике заразных заболеваний. Такая тематика появляется лишь после внедрения в программу летних курсов повышения квалификации для педагогов церковно-приходских школ, наиболее часто являвшихся лекторами таких чтений, соответствующих предметов: естествознание, гигиена, борьба с алкоголизмом, сельское хозяйство, кооперация. С 1909 по 1913 гг. наблюдалось определенное приближение к реальным жизненным практикам в подготовке учителей школ ВПИ, что выразилось в смещении акцентов на прикладные знания. Модернизировалось и содержание программ: например, в 1913 г. в курс гигиены было введено практическое оспопрививание, в педагогику – основы внеклассной работы, в т. ч. со взрослыми. На курсы повышения квалификации обеих епархий преподаватели приглашались теперь из Томска, в Красноярск – из Иркутска, иногда даже из европейской части страны. В 1914 г. произошел откат назад, и летние курсы в предвоенное лето были посвящены исключительно методике преподавания предметов в школах духовного ведомства.

Организаторы народных чтений могли пользоваться универсальным справочником «Что читать народу?», составленным группой харьковских учительниц [25]. Относительно качественные адаптации классической литературы для народной школы и чтений предлагались Комиссией по устройству народных чтений, созданной при Министерстве народного просвещения в 1872 г., в пересказах можно было найти произведения не только Пушкина, но даже Шекспира. Эта же комиссия занималась отбором произведений для специальных каталогов «общедоступных» текстов [26].

По-видимому, значение народных чтений обуславливалось не столько их значением для образования, сколько для воспитания и развития взрослого населения. Они поднимали нравственный уровень крестьян-

ства, формировали интерес к самостоятельному чтению, популяризировали знания, развивали эстетические вкусы.

Во время Первой мировой войны на первый план вышли истории о тяготах военного быта, подвигах, патриотических настроениях. Чтения позволяли эффективно проводить эстетическое и этическое воспитание взрослого населения: «При чтении повестей о страдании мучеников народ иногда умиляется до слез; когда дочитаешь... Бывает заметно, какое это особенное настроение: несколько мгновений совсем ничего никто не говорит, потом начинают обмениваться мнениями, но делается это тихо шепотом, чтобы не помешать, не испортить настроение соседям» [27, с. 26]

В годы Первой мировой войны законоучители и учителя вели патриотическую работу, побуждали сельское население к помощи семьям фронтовиков. Практиковалось изучение в ходе народных чтений мест боев и хода боевых действий. В праздничные программы традиционных школьных елок и иных торжеств к привычным декламации, пантомимам, хороводам добавились пение патриотических гимнов и военных песен, чтение стихотворений на военную тематику и т. д.

К концу XIX в. в России стало развиваться движение трезвенничества в разных формах и видах. Первые общества трезвости в России начали организовываться под контролем приходских священников. Для функционирования таких организаций в рамках одного церковного прихода с узкой целью «содействовать в приходе отказу от употребления крепких напитков или воздержанию от излишнего их употребления... воздействием личного примера членов общества и беседой» [28, с. 25] не требовалось разрешения МВД.

Для упорядочения и систематизации преподавания сведений о вреде алкоголя «наука трезвости» была введена в 1912 г. в раздел школьной гигиены, а позже – во все предметы начальной школы ВПИ. На базе церковной школы формировалась широкая внешкольная просветительная деятельность педагогов и священников, которая выражалась в организации музеев и выставок, публичных чтений и бесед, специальных курсов «противоалкогольного обучения» и обществ ревнителей трезвости для взрослых (старше 16 лет). Средства на приобретение учебников, методических руководств и наглядных пособий должны были выделять губернские и уездные комитеты попечительства о народной трезвости. Эта деятельность оживилась после начала Первой мировой войны, объявления «сухого закона» и прекращения казенной продажи спиртного.

Инициативный ачинский священник Виктор Мокеев развернул широкую борьбу за трезвость в ряде сел Минусинского и Ачинского уездов. Он проводил беседы, закупал и распространял необходимые методические материалы. Впоследствии он получил от епископа особый статус разъездного миссионера с необычными задачами деятельности и небольшое вспомоществование для поездок и покупки необходимой литературы. В Канском уезде эта работа велась учителями школ духовного ведомства в форме «противоалкогольных» лекций, сопровождавшихся показом «туманных картин» – своеобразных диафильмов, хоровым пением, мелодекламацией [29].

Священником В. Кузьминым на пастырском собрании в с. Шалоболенское 8 июля 1915 г. был предложен еще один способ борьбы с пьянством через школы духовного ведомства – организация антиалкогольного союза на базе церковной школы. Члены такого союза должны были сознательно исполнять свои обязанности по «распространению правильных понятий о спиртных напитках в сознании местного населения», в том числе путем устройства народных развлечений, благотворительности и молитв [30, с. 45]. Когда в 1916 г. Красноярское общество трезвости изыскало 10 тыс. руб. на наполнение книжного фонда библиотек-читален школ ВПИ Енисейской епархии, то это вызвало большую волну откликов с мест, содержащих ходатайства о высылке книг [31].

Начало Первой мировой войны ознаменовалось небывалым подъемом активности народных масс. Рост национального самосознания значительно усилил роль церковной – наиболее массовой – школы в жизни сибирской деревни. В ее задачи теперь входили популяризация гигиенических и ветеринарных знаний, пропаганда здорового образа жизни, занятий физкультурой. Через систему производственного обучения следовало распространять и совершенствовать ремесленные навыки, специфические сельскохозяйственные знания – в частности, разводить пчеловодство, в продуктах которого так серьезно нуждалась теперь воюющая страна. В Ачинске и Иркутске были сформированы специальные комиссии по внешкольному образованию взрослых. Опорой в этой деятельности также становится школа духовного ведомства как наиболее широко представленный тип ведомственной школы, особенно в отдаленных местностях.

В указанный период в нашей стране получила распространение практика создания многофункциональных культурно-образовательных центров – народных домов, открывавших доступ взрослому населению к внешкольному и профессиональному образованию, способствовавших повышению культурного уровня людей, переосмыслению ими жизненных ориентиров. Систематической культурно-воспитательной деятельностью сибирские народные дома заниматься не могли, поэтому сосредотачивали внимание на доступных развлекательных мероприятиях, имевших, впрочем, и просветительный характер. Они сопровождалась демонстрацией «световых картин», мелодекламацией и пользовались популярностью у населения [32].

Народные дома были призваны решить важную задачу: объединить в своих стенах просветительную работу функционировавших в том или ином населенном пункте культурно-просветительных организаций, чем достигался синергетический эффект. Предполагалось, что в результате интеграции усилий социально активной части местной интеллигенции существенно возрастет эффективность их просветительной работы, в значительной мере усилится ее финансовая база. В сибирской деревне культурно-просветительская деятельность могла вестись исключительно силами духовенства

и учителей, прежде всего школ ВПИ, так как достаточного слоя сельской интеллигенции деревня не имела.

В сельской местности Сибири народным домом становится церковно-приходская школа, объединяющая теперь людей разных возрастов. Сразу после возникновения народные дома стали пользоваться большим спросом и поддержкой населения, но особенную значимость они приобрели после начала Первой мировой войны. Значительно чаще организуются пользовавшиеся большой популярностью воскресные народные чтения, спектакли, литературно-художественные вечера, концерты с участием учеников церковно-приходских школ, беседы о трезвости, музеи, народные читальни, хоры и т. д. В Иркутской епархии существовавшие школьные здания ВПИ были приспособлены к новым условиям, в Енисейской была начата постройка особых «народных домов». Девять зданий было построено за счет епархиальных средств, предполагавшееся сооружение еще 75 не осуществилось [33].

Заключение. Подводя итоги вышесказанного, следует подчеркнуть, что к концу XIX в. в Сибири развернулась капиталистическая модернизация, логика которой диктовала необходимость глубоких социокультурных преобразований: долгосрочный общественный прогресс в условиях архаичной культуры и безграмотности значительной части населения страны был невозможен. Необходимость таких изменений, осознававшаяся образованной частью российского общества, предполагала их большую глубину в противовес предполагавшейся и допускавшейся царским правительством. Это противоречие вызвало к жизни культурно-просветительное движение, принявшее на себя решение широкого круга задач в области начального школьного и внешкольного образования. Его организационными формами стали негосударственные культурно-просветительные формирования.

Однако в Восточной Сибири при отсутствии на значительной ее территории как местной интеллигенции, так и слабой развитости питательной среды (кооперативного движения, средних и высших учебных заведений, досуговых учреждений, профессиональных общественных объединений и т. д.), продуцировавшей разнообразные формы образования взрослых, эту роль в значительной степени берет на себя Церковь. В роли центрального звена для создания стихийно складывавшейся системы образования взрослых выступила церковно-приходская школа: на ее основе проводятся народные чтения и развлекательные мероприятия, организуются народные дома, библиотеки, ведется патристическое воспитание взрослого населения и т. д. Контроль Церкви за данной сферой являлся весьма желательным и для чиновничества, поскольку воплощал необходимый компромисс между реализацией запросов эпохи и исключением потенциально оппозиционных политических сил из сферы образования и воспитания взрослых. К сожалению, в системе церковных школ и, шире – епархиальных структур Восточной Сибири, данная задача оказалась решенной лишь частично.

Литература

1. Иркутская духовная консистория Священного Синода, г. Иркутск Иркутской губернии. 23.01.1746-27.05.1920 // Государственный архив Иркутской области. Ф. 50. Оп. 1-10. Д. 15454.
2. Канцелярия Иркутского генерал-губернатора Министерства внутренних дел Российской империи, г. Иркутск Иркутской губернии. 1887-1917 // Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 1. Д. 44982.
3. Енисейский губернский епархиальный училищный совет Енисейской духовной консистории. 1885-1921 г. // Государственный архив Красноярского края. Ф. 297. Оп. 1. Д. 230.
4. Иркутские епархиальные ведомости. Иркутск, 1863-1919. [Электронный ресурс]. <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/484/> (дата обращения 20.02.2025).
5. Енисейские епархиальные ведомости. Красноярск, 1884-1906, 1908-1919. [Электронный ресурс]. <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/705/> (дата обращения 20.02.2025).
6. Попов Д.И. Предпосылки создания народных домов в Сибири в начале XX в. // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Исторические науки. 2019. № 2 (22). С. 76-84.
7. Аранович О.А. О внеклассном чтении учеников в начальных училищах // Сибирская школа. 1916. № 1. С. 16–26.
8. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 1 / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Паровая типо-литография Н.Л. Ныркина, 1905. С. 89.
9. Копия с циркуляра Училищного совета при Святейшем Синоде от 23 марта 1893 года за № 443 // Енисейские епархиальные ведомости. 1893. № 13-14. С. 69
10. Дело ИДК о разрешении иерею Бельской церкви Ф. Парнякову открыть в здании школы народную читальню // Государственный архив Иркутской области. Ф. 50. Оп. 1. Д. 11139. Л. 6.
11. Смирнов М. От иркутского епархиального училищного комитета // Иркутские епархиальные ведомости. 1885. № 4. С. 21.
12. Брызгалов И.Л. Церковно-приходские школы и школы грамоты Иркутской епархии в 1896/97 учебном году. Иркутск, 1898. 154 с.
13. Акакий, епископ Енисейский и Красноярский. Отчет о деятельности Братства Рождества Пресвятой Богородицы при Красноярском кафедральном соборе за 1893-1894 // Енисейские епархиальные ведомости. 1894. № 23. С. 366.
14. Касаткин А. Отчет о состоянии церковно-приходских школ Енисейской епархии за 1898 г. // Енисейские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 263.
15. Оносовский А. Краткие заметки о церковных школах Енисейской епархии за 1904 г. в связи с предполагаемым введением земства в Сибири // Енисейские епархиальные ведомости. 1905. № 18. С. 488.
16. Петрищев А.В. Заметки учителя. СПб: Энергия, 1905. С.162.
17. Владимиров Н. Отчет о состоянии церковно-приходских и грамотности школ Енисейской епархии за 1895-1896 учебный год // Енисейские епархиальные ведомости. 1897. № 5. С. 15.
18. Проект Устава православного братства Рождества Пресвятой Богородицы в губ. гор. Красноярске // Енисейские епархиальные ведомости. 1893. № 1. С.12.
19. Отчет о деятельности Красноярского православного братства Рождества Пресвятой Богородицы // Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 27. Д. 423. Л. 7.
20. Богданов А. О церковно-приходских библиотеках // Енисейские епархиальные ведомости. 1911. № 12. С.16.
21. Сибирские очерки // Сибирь. 1909. № 119. 27 мая. 4 с.
22. Дело ИДК о разрешении народных чтений // Государственный архив Иркутской области. Ф. 50. Оп.1. Д. 11548. Л.13.
23. Евсевий, архимандрит. Отчет комиссии по устройству религиозно-нравственных чтений в Иркутске за 1894-1895 учебный год // Иркутские епархиальные ведомости. 1895. № 23. С. 306.
24. Евсевий, архимандрит. Отчет комиссии по устройству религиозно-нравственных чтений в Иркутске за 1894-1895 учебный год // Иркутские епархиальные ведомости. 1895. № 23. С. 310.
25. Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения / Сост. учительницами Харьков. частной жен. воскрес. шк. Х.Д. Алчевской, Е.Д. Гордеевой, А.П. Грищенко [и др.]. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1884-1906. Т. 1. 976 с.; Т. 2. 976 с.; Т. 3. 559 с.
26. Хрущов И.П. Об издательской деятельности Постоянной комиссии народных чтений и учрежденного при ней Общества за пятнадцать лет (1881-1896). СПб., 1901. 24 с.
27. Учительница Е. О народных чтениях // Енисейские епархиальные ведомости. 1916. № 18. С. 26.
28. Циркуляр Святейшего Синода от 25.01.1894 г. за № 4209 // Енисейские епархиальные ведомости. 1894. № 5. С. 25.
29. Мокеев В. К делателям на ниве народного просвещения и отрезвления // Енисейские епархиальные ведомости. 1915. № 24. С. 34.
30. Кузьмин В. Роль школы в борьбе с алкоголизмом // Енисейские епархиальные ведомости. 1915. № 20. С. 44-45.
31. Дикусар С. О религиозно-нравственном состоянии сибирского крестьянина и мерах к его улучшению // Енисейские епархиальные ведомости. 1916. № 14. С. 40.
32. Наумова Н.Н. Народный дом как форма социальной диаконии Русской православной церкви: вчера и сегодня // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во Байкал. гос. ун-та экономики и права, 2013. С. 381-387.
33. Мокеев В. Учреждение народных домов и очередные задачи культурно-просветительной работы в деревне Сибири // Енисейские епархиальные ведомости. 1916. № 12. С. 32.

References

1. Irkutsk spiritual consistory of the Holy Synod, Irkutsk, Irkutsk province. 23.01.1746-27.05.1920 // State Archive of Irkutsk Oblast. F. 50. Op. 1-10. Doc. 15454.
2. Office of the Irkutsk Governor-General of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, Irkutsk, Irkutsk province. 1887-1917 // State Archive of the Irkutsk region. F. 25. Op. 1. Doc. 44982.
3. Yenisei provincial diocesan school-teaching council of the Yenisei spiritual consistory. 1885-1921 // State Archive of the Krasnoyarsk region. F. 297. Op. 1. Doc. 230.
4. Irkutsk diocesan bulletins. Irkutsk, 1863-1919. [Electronic resource]. <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/484/> (date of address 20.02.2025).
5. Yenisei diocesan bulletins. Krasnoyarsk, 1884-1906, 1908-1919. [Electronic resource]. <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/705/> (date of address 20.02.2025).
6. Popov D.I. Prerequisites for the creation of folk houses in Siberia at the beginning of the XX century // Messenger Omsk University. Ser. Historical sciences. 2019. № 2 (22). P. 76-84.
7. Aranovich O.A. On extracurricular reading of students in primary schools // Siberian school. 1916. № 1. P. 16-26.
8. The general summary of the Empire of the results of the development of data from the first general population census, carried out on January 28, 1897. Vol. 1 / Ed. N.A. Troitsky. St. Petersburg: Steam typography N.L. Nyrkin, 1905. P. 89.

9. A copy from the circular of the School Council at the Holy Synod of March 23, 1893, № 443 // Yenisei diocesan bulletins. 1893. № 13-14. P. 69
10. The ISC case on the permission of Priest Belskaya Church F.Parnyakov to open a public reading room in the school building // State Archive of the Irkutsk Region. F. 50. Op. 1. Doc. 11139. P. 6.
11. Smirnov M. From the Irkutsk diocesan school committee // Irkutsk diocesan bulletins. 1885. № 4. P. 21.
12. Bryzgalov I.L. Parish schools and literacy schools of the Irkutsk diocese in the academic year 1896/97. Irkutsk, 1898. 154 p.
13. Akakiy, Bishop of Yenisei and Krasnoyarsk. Report on the activities of the Brotherhood of the Nativity of the Blessed Virgin Mary at the Krasnoyarsk Cathedral for 1893-1894 // Yenisei diocesan bulletins. 1894. № 23. P. 366.
14. Kasatkin A. Report on the State of the Central Church and Parish Schools of the Yenisei Diocese for 1898 // Yenisei diocesan bulletins. 1900. № 10. P. 263.
15. Onosovsky A. Brief notes on church schools of the Yenisei diocese for 1904 in connection with the proposed introduction of the zemstvo in Siberia // Yenisei diocesan bulletins. 1905 № 18. P. 488.
16. Petrishchev A.V. Teacher's notes. St. Petersburg: Energy, 1905. P.162.
17. Vladimirov N. Report on the state of parish and literacy schools of the Yenisei diocese for the 1895-1896 academic year // Yenisei diocesan bulletins. 1897. № 5. P. 15.
18. Draft Charter of the Orthodox Brotherhood of the Birth of the Blessed Virgin Mary in the provincial city Krasnoyarsk // Yenisei diocesan bulletins. 1893. № 1. P. 12.
19. Report on the activities of the Krasnoyarsk right-glorious brotherhood of the Nativity of the Blessed Virgin Mary // State Archive of the Irkutsk Region. F. 25. Op. 27. Doc. 423. P. 7.
20. Bogdanov A. About parish libraries // Yenisei diocesan bulletins. 1911. № 12. P. 16.
21. Siberian essays // Siberia. 1909. № 119. May 27. 4 p.
22. The ISC case on the permission of public readings / State Archive of the Irkutsk Region. F. 50. Op. 1. Doc. 11548. P.13.
23. Eusebius, archimandrite. Report of the commission on the arrangement of religious and moral readings in Irkutsk for the academic year 1894-1895 // Irkutsk diocesan bulletins. 1895. № 23. P. 306.
24. Eusebius, archimandrite. Report of the commission on the arrangement of religious and moral readings in Irkutsk for the academic year 1894-1895 // Irkutsk diocesan bulletins. 1895. № 23. P. 310.
25. What to read to the people? Critical index of books for folk and children's reading/ Comp. by teachers of the Kharkov private girls' Sunday school H.D. Alchevskaya, E.D. Gordeeva, A.P. Grishchenko [and others]. St. Petersburg: Printing house of the partnership «Public benefit», 1884-1906. Vol. 1. 976 p.; Vol. 2. 976 p.; Vol.3. 559 p.
26. Khrushchov I.P. On the publishing activities of the Standing Commission of Public Readings and the Society established with it for fifteen years (1881-1896). St. Petersburg, 1901. 24 p.
27. Teacher E. On public readings // Yenisei diocesan bulletins. 1916. № 18. P. 26.
28. Circular of the Holy Synod of 25.01.1894 No. 4209 // Yenisei diocesan bulletins. 1894. № 5. P. 25.
29. Mokeev V. To the makers in the field of public education and sobering up // Yenisei diocesan bulletins. 1915. № 24. P. 34.
30. Kuzmin V. The role of the school in the fight against alcoholism // Yenisei diocesan bulletins. 1915. № 20. P. 44-45.
31. Dikusar S. On the religious and moral status of the Siberian peasant and measures to improve it // Yenisei diocesan bulletins. 1916. № 14. P. 40.
32. Naumova N.N. People's Houses as a form of social diaconia of the Russian Orthodox Church: yesterday and today // Irkutsk historical and economic year. Irkutsk: Baikal Publishing House State University of Economics and Law, 2013. P. 381-387.
33. Mokeev V. The establishment of people's houses and other tasks of cultural and educational work in the village of Siberia // Yenisei diocesan bulletins. 1916. № 12. P. 32.